

Посвящается моей сестре Труд
и моей дочери Марианне

Качели

У Робина есть лошадь. Её смастерила мама. Голова лошади — серый папин носок. Мама набила его всякой всячиной. Отличная голова получилась. С глазами и ртом. Из рта свисают верёвочки. Это поводья, ими правят. Есть у лошади и грива — копна волос, чёрных и очень густых. Попробуй расчеши! А лошадиное тело — просто палка.

Лошадь улеглась на лестнице и отдыхает — устала. Они долго и быстро скакали, Робин и лошадь. Робин был рыцарем, а лошадь — лихим скакуном.

Хрюш устроился рядом с лошадью на ступеньке. Хрюш — это поросёнок Робина. Он весь розовый, с маленькими глазками и мягкими ушками. И хвостик у него колечком, как полагается. Хрюш — любимая мягкая игрушка Робина и его друг. Но когда Робин — рыцарь, Хрюш тоже превращается в рыцаря. И они вместе скачут верхом.

Хрюш устал, лошадь тоже, да и Робин не прочь

перевести дух. Он сидит на качелях, что висят рядом с лестницей, в прихожей. Робин легонько покачивается туда-сюда. Он мог бы достать подошвами до пола, запросто. Но он болтает ногами. Легонько. Туда-сюда, туда-сюда.

Распахивается входная дверь. Входит папа. Папа промок. Пальто промокло. Волосы промокли. Он весь промок. До ниточки.

— Ну и дела! — кричит папа. — Льёт как из ведра! Из ведра с кислыми яблоками. Дубасит прямо по башке!

— Нельзя говорить «по башке», — укоряет папу Робин.

— Это ещё почему? — удивляется папа.

— Так наша учительница, юфрау Тинеке, сказала. Не «по башке», а «по голове» — вот как надо.

— Юфрау Тинеке совершенно права, — соглашается папа.

— И у лошади тоже голова, а не башка, — продолжает Робин. — И ещё нельзя говорить «какашки».

— Пойду-ка вытру голову. — Папа идёт на кухню.

— Правильно говорить — «стул»! — кричит вдогонку Робин.

Он ставит ноги на пол и разгоняется. Качели взлетают. Робин крепко сжимает верёвки и поёт:

— Валидорре и Бомбардо, Валидорре и Бомбардо, Валидорре и Бомбардо на лошади скакали.

Качели раскачиваются всё сильнее. Папа высовывает голову из кухни. В руках у него полотенце. Он яростно ерошит им мокрые волосы.

— Кто такие Валидорре и Бомбардо? — спрашивает папа.

— Валидорре — это я! — кричит Робин. — А Бомбардо — Хрюш. Мы рыцари и почти ничего не боимся.

— И слова «какашки» не боитесь? — спрашивает папа.

— Рыцари — они не боятся! — отвечает Робин.

— Ну и отлично! — радуется папа. — А то «стул» — такое странное слово. На стуле обычно сидят!

Робин смеётся.

— Ты не слишком сильно раскачался? — говорит папа и снова исчезает в кухне.

— Валидорре и Бомбардо, Валидорре и Бомбардо, Валидорре и Бомбардо захотелось какать, — поёт Робин.

Качели взмывают всё выше.

Это хорошие качели. Папа ввинтил в потолок большие блестящие крюки. К ним привязаны верёвки, на них качели и держатся. Сперва папа испытал всё на себе. Получилось. Качели не упали. Потом разрешил качаться Робину.

— Валидорре и Бомбардо, Валидорре и Бомбардо, Валидорре и Бомбардо скакали вверх тор-машки.

Когда снова наступит лето, качели можно будет повесить во дворе. На ветвях лазательного дерева.

— Валидорре и Бомбардо, Валидорре и Бомбардо, Валидорре и Бомбардо — в воздухе какашки.

Качели взмывают ещё выше. Рыцари — они ничего не боятся!

Мяч

— Папа, — говорит Робин, — поиграем в футбол?

— А ты на улицу выгляни, — отвечает папа.

Робин выглядывает на улицу. Кажется, что за окном стоит орава здоровенных дядек с тази-ками и окатывает водой стекло — такой хлещет ливень. Весь двор в лужах. Плавать, наверное, можно, а вот в футбол не поиграешь.

— Льёт, как из ведра с кислыми яблоками, — говорит Робин.

— И ветер дует как чокнутый, — добавляет мама.

Мама сидит в кресле у дивана. Она вяжет. Что-то маленькое.

— Но мне так охота поиграть в футбол! — не сдаётся Робин.

Папа кивает.

— Да. Я бы тоже не прочь погонять мяч. А что, если мы осторожно? Очень осторожно. Тогда можно и дома, прямо в комнате.

— Молодец, папа! — кричит Робин.

— Можно ведь? — Папа смотрит на маму.

Мама кивает.

— Но тогда ты и сам должен играть осторожно, — говорит она папе.

Папа приносит мяч.

— Чур, я вратарь! — говорит он.

— Папа, а кто лучший вратарь в мире? — спрашивает Робин.

— Я, — отвечает папа. — Я лучший в мире вратарь. Сейчас увидишь.

Папа кладёт мяч к ногам Робина.

— Диван — мои ворота, — объявляет он и встаёт перед диваном.

Робин пинает мяч. Мяч катится к папе, и папа его поднимает.

— Поймал!

Он подталкивает мяч обратно к Робину. Осторожно. И Робин опять пинает. Раз десять пинает. Но не забивает ни гола. Всякий раз папа ловит мяч.

— Да, папа! — говорит Робин. — Ты и вправду лучший вратарь на свете!

— А ты целься в углы, — советует папа и показывает на углы дивана. — Вот сюда и сюда. Тогда мне придётся потруднее.

Хорошая мысль! Робин внимательно смотрит в угол, целится и бьёт. Мяч приземляется на пол у дивана. Робин вздыхает.

— Мимо!

— Но удар был хороший, — утешает папа. —
А куда делся мяч?

Папа встаёт на колени и заглядывает под мамино кресло.

— Не вижу, — ворчит он.

Робин видит только папину попу и подошвы его тапочек. Забавно! Робин улыбается маме, а мама — ему. И тут... Робин замечает мяч!

— Вылезай, папа! — говорит он. — Я нашёл мяч.

Папа вылезает из-под кресла. Робин подходит к маме. Ну и дела! Мама спрятала мяч! У себя под кофтой. Ха! Неплохо она их разыграла!

— Вот он! — ликует Робин и заглядывает маме под кофту.

Но там ничего нет. У мамы просто очень большой живот. Робин с таким удивлением таращится на него, что мама прыскает со смеху. И папа вместе с ней.

— Мама, почему у тебя такой большой живот? — спрашивает Робин.

— Потому что у меня в животе кое-что особенное.

И тут... Робин вдруг понимает!

— Малыш!!! — вопит он.

Мама кивает.

У Робина внутри что-то горит, кипит, бурлит. Всё разом. Как он рад! Ему хочется танцевать, и прыгать, и кричать, и залезть на шкаф с игрушками. Ему хочется... ему хочется... Ему хочется столько всего, но он ничего не делает. Он просто молча стоит рядом с мамой, положив руку на её большой живот.

— Правда? — спрашивает он.

Мама снова кивает.

— В твоих глазах, — говорит она, — я вижу праздник.

Теперь кивает Робин.

— Ну, давай, поцелуй же маму, — говорит папа.

— Тройной поцелуй! — кричит Робин.

Папа подходит к ним. Они целуют друг друга — Робин, мама и папа. Все трое одновременно. Уголок губ к уголку губ, уголок губ к уголку губ, уголок губ к уголку губ. Их поцелуи смыкаются. Тройной поцелуй!

— Теперь нам надо тренировать четверной, — говорит папа.

Робин подбегает к дивану и хватает Хрюша.

— Хрюш будет за малыша!

Они снова целуют друг друга — Робин, мама и папа. И Хрюш-малыш. Все четверо одновременно. Уголок губ к уголку губ, уголок губ к уголку губ, уголок губ к уголку поросячьего рта, уголок поросячьего рта к уголку губ. Они тренируют четверной поцелуй раз десять.

Когда родится малыш, они будут готовы.

Голова

Робин с мамой едут на автобусе. Маме надо в город, к акушерке. И она взяла Робина с собой. За окном пробегают поля. Тростник у придорожных канав полёт после бури. По небу, словно лошади, мчатся серые облака. Можно подумать, за ними гонится какой-то дядька с хлыстом в руках. Птицы попрятались. Куда — никто не знает. Секрет. Коровы стоят в хлеву. В мире холодно.

На голове у Робина шапка, на шее шарф.

По городским улицам тоже гуляет ветер. Длинные волосы лезут маме в лицо.

— Надо прибавить шагу, — говорит мама. — А то у меня волосы с головы сдует.

Мама шагает широкими шагами.

— Хочешь мою шапку? — предлагает Робин. — Спрячешь волосы под неё.

Мама смеётся.

— Спасибо, милый, — говорит она. — Я пошутила.

— Так я и думал, — отвечает Робин.

Он тоже старается шагать пошире. Они идут быстро. А вот и кабинет акушерки.

В приёмной полно тётенок с большими животами. Все так оживлённо болтают, что можно подумать, они подруги.

Тётеньки говорят о малышах у себя в животах и о том, когда малыши родятся.

Робин листает альбом фотографий. На каждой странице — тётеньки с малышами в животах. И малыши, которые уже родились. Малыши в ванночках, малыши в кроватках, малыши на лошадках, малыши на велосипедах, малыши в колясках, малыши, которых подбрасывают высоко в воздух... Все они улыбаются. Хорошо, наверное, быть малышом. Робин уже не помнит. Забыл. С тех пор как он был малышом, прошло много времени. Он листает альбом и прислушивается к разговорам.

Мама болтает веселее всех. Ещё бы! Ведь мама всех обойдёт. Её малыш вот-вот родится, сообщает она остальным.

Вдруг одна из тётенок спрашивает у Робина:

— А ты что об этом думаешь? У тебя ведь появится братик или сестрёнка.

— Я рад, — отвечает Робин.